

А. А. Закатов, Е. И. Замылин

ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЮ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

Человечество с древнейших времен волновали вопросы соотношения правды и лжи, их оценки. Ложные сведения, содержащиеся в показаниях лиц, вовлеченных в уголовный процесс, дезорганизуют работу органов следствия и суда, препятствуют осуществлению правосудия, могут привести к серьезным нарушениям законности.

Ключевые слова: допрос, показания, правда, ложь, уголовное судопроизводство, следствие, суд.

A. A. Zakatov, E. I. Zamylin

INTENTIONALLY UNRELIABLE INFORMATION IN THE COURSE OF INVESTIGATION AND PROBLEMS OF STRUGGLING AGAINST IT (HISTORICAL INSIGHT)

Since ancient times the mankind has been concerned with the issues of correlation between truth and falsehood and their evaluation. False data contained in the evidence of persons involved in the criminal procedure can disorganize the court and investigative bodies' activities, hinder the delivery of justice, and lead to serious infringement of legality.

Keywords: questioning, evidence, falsehood, criminal proceedings, investigation, court.

Значение борьбы с ложью в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Ложные сведения, содержащиеся в показаниях лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования уголовно наказуемого деяния, дезорганизуют работу органов следствия и суда, препятствуют осуществлению правосудия, могут привести к серьезным нарушениям законности.

Человечество с древнейших времен волновали вопросы соотношения правды и лжи, их оценки; уже на самых ранних этапах развития общества и государства уделялось пристальное внимание проблемам борьбы с ложью. Лжецы подвергались осмеянию и наказанию. Ими пренебрегали, их презирали. Борьба с ложью велась в основном на трех уровнях:

- государственном (общинном);
- религиозном;
- семейно-бытовом.

Уважение к существующим законам, необходимость быть честным, правдивым прививали с детства с давних пор. Так, в Древнем Риме дети до 14 лет учили наизусть

Законы XII таблиц [1]. В дошедшей до нас «Присяге гражданина Херсонеса» (III в. до н. э.) была приведена клятва, где гражданин Херсонеса брал на себя обязательства не замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан, не дозволять этого другим, не утаивать и доводить о противоправных поступках до сведения суда, «подавать голос по законам» [2].

В древнем обществе еще не существовало специальной процессуальной процедуры получения показаний. Особое значение там приобретало установление правдивости сообщаемых сведений в случаях возникновения конфликтов между людьми, а также при разрешении различного рода споров. При этом действовали правила, отдававшие предпочтение свидетельству лица в зависимости от его социальной принадлежности, состоятельности и рода занятий.

В литературных источниках древности встречаются также правила оценки правдивости свидетельских показаний, основывающиеся на

внешних признаках психической деятельности человека. Так, в индийском комментарии к законам Ману (V в. до н. э.) указывается: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом, и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства» [3].

В странах Древнего Востока проблемам установления истины уделялось внимание не только со стороны лиц, осуществляющих правоприменительный процесс, но и ученых того времени. К чести последних можно констатировать определенные достижения их в области психологии. Известно, что выдающийся мыслитель Востока Ибн-Сина (Авиценна) (980—1037 гг.) занимался исследованием человеческих эмоций, и в частности аффектов, используя при этом метод, основанный на психодиагностике. По мнению М. Г. Ярошевского, им были применены первые в истории методы известного психологии ассоциативного эксперимента, принцип которого положен в основу создания современных «детекторов лжи» [4, с. 87].

С развитием государственности уделяется внимание исследованию доказательств, под которыми, в свою очередь, понимаются признание обвиняемого, свидетельские показания и присяга. Одним из средств «разоблачения лжи» становится пытка; вначале она применялась только к рабам. Позднее пытать стали и свободных граждан.

Начало второго тысячелетия новой эры для стран Восточной и Западной Европы характеризуется формированием обвинительной формы уголовного процесса. В соответствии с феодальным обычаем разбирательство дела происходит посредством заслушивания сторон, представляющих доказательства. Однако, если по прежним правилам каждый человек должен был судиться «судом равных», в XII—XIII вв. простолюдина судил уже суд сеньора и его вассалов или даже назначаемый ими судья

(балы). Здесь уже классовость в правосудии была резко выражена. Если ранее основным доказательством в процессе был поединок и стороны должны были быть одинаково вооружены (например, палкой и щитом), в рассматриваемое время сеньоры дрались на поединке в полном вооружении, а их подданные — по старым правилам. Принцип равенства в вооружении соблюдался лишь для случаев, когда господина (рыцаря) обвиняли в низком, позорном поступке [5].

Судебные споры в случае непризнания обвиняемым своей вины и разрешение их в поединке были присущи Киевской Руси и Московскому государству [6]. А правдивость или ложность показаний определялась с помощью ордалий (церковных испытаний). Последнее, несмотря на решающее для исхода дела признание ответчика (обвиняемого), являлось важным и распространенным способом установления «истины».

В X—XII вв. ордалии широко применялись как в светских, так и в церковных судах. «Церковь знала ордалии... «святым причастием», унцией хлеба (или сыра), при съедании которых виновный должен был подавиться, и крестом» [7, с. 29—30, 49]. Наиболее широко применялись испытания «на правдивость» холодной или кипящей водой, а также раскаленным железом.

Испытание холодной водой производилось в специальном бассейне или реке. Человека связывали в согнутом положении и опускали в воду. Считалось, что если он солгал, то будет выброшен из воды, а невиновный опустится до дна. При ордалии посредством кипящей воды испытуемый после принятия в церкви присяги, скрепляемой подписью, опускал руку в горячую воду. После этого руку заворачивали в полотно, которое печатывалось. Спустя три дня рука публично осматривалась; если она оказывалась неповрежденной — дело считалось выигранным. Аналогично происходило испытание раскаленным железом, когда тот, правдивость которого проверялась, брал в правую руку раскаленный кусок железа, который обязан был пронести определенное количество шагов.

Несмотря на нелепость подобных опытов выводы, построенные на них, признавались неопровержимыми, а проигравшая сторона нередко расплачивалась жизнью. Ордалии были официально отменены папой Иннокентием III лишь в начале XIII вв., однако в светских судах они нередко применялись и в дальнейшем.

Использование ордалий не исключало применения к допрашиваемым пыток. Более того, в эпоху средневековья пытка, которая часто сочеталась с ордалиями, признавалась таким же естественным источником доказательств, как допросы свидетелей, очные ставки и пр. Безусловно, говорить о подобных методах как о средствах получения правдивых показаний нельзя. Нередко пыткам подвергались люди невинные, которые, не выдержав мучений, ложно оговаривали себя или других в совершении преступлений.

Подобная практика складывалась в эпоху средневековья — период преследования еретиков духовенством. Под жестокими пытками оговаривали себя в колдовстве многие тысячи людей, преимущественно женщины. Помимо исторических хроник есть документальное свидетельство: «Молот ведьм», опубликованное инквизиторами Германии в конце XV в., где, в числе прочего, подробно описывается порядок допросов и изощренные способы пыток, которым необходимо было подвергать «заподозренных» инквизицией в связях с дьяволом [8].

В средние века как средство предупреждения ложных показаний и борьбы с ними, помимо пыток, применялась так называемая «очистительная присяга». Она давалась в том случае, когда нет никаких улик, ни иных средств оправдания, после увещаний в церкви, при колокольном звоне и стечении народа.

При осуществлении правосудия особое внимание уделялось гарантиям получения правдивых сведений. Так, во Франции в многочисленных королевских указах (ордонансах) нередко встречаются правила, регламентирующие порядок получения показаний. В частности, это вменяло судьям в обязанность предупреждать каждого, обвиняющего кого-либо в убийстве, о том, что если обвинение не подтвердится, он

будет подвергнут наказанию, установленному для убийц. Кроме того, регламентирован был допрос с применением пытки; она производится в присутствии секретаря, заносящего в протокол имена присутствующих, порядок применения пытки, ее возобновление, если оно имело место, количество воды, даваемой допрашиваемому во время пыток, вопросы, задаваемые обвиняемому, и ответы на них, изменил ли он свои показания и т. д. Здесь же отмечалось, что на второй день после допроса под пыткой обвиняемый должен быть вновь допрошен, но не в том месте, где производилась пытка; это считалось нечто вроде проверки показаний. Указ запрещал повторное применение пытки без появления новых улик

Эдикт Франциска I (1539 г.) окончательно завершил развитие системы королевского розыскного процесса во Франции, пришедшего на смену процессу обвинительному. Уголовный процесс делился на «ординарный» и «экстраординарный». Обязательным условием последнего было широкое применение жестоких пыток к обвиняемому; это распространялось на рецидивистов и разных преступников, объединенных в шайки. Однако нередко мучительные пытки к обвиняемому, не признавшему себя виновным, применялись и в ординарном процессе [5].

К середине XVI в. в целом закончилось формирование теории легальных доказательств розыскного процесса. Большое внимание уделялось получению доброкачественных свидетельских показаний. Не признаются в качестве свидетелей дети до 14 лет, безумные, глухонемые от рождения и «бесчестные люди». К последним относятся лица, ранее судимые, ведущие аморальный образ жизни и занимающиеся «бесчестной» профессией. Недостаточно полноценными (вызывающими сомнение в их правдивости) считались показания женщин (церковный суд, в отличие от светского, вообще не допускал женщин к свидетельству, слуг, дающих показания в отношении своих господ, и родственников — в отношении своих близких, соучастников преступления — в отношении друг друга. Правда, применительно к государственным

преступлениям показания всех лиц принимались к сведению судом.

Теория легальных доказательств считала достаточными уликами совершение обвиняемым преступления не менее двух свидетельских показаний. Официально не придавалось значение высказыванию допрашиваемым догадок, мнений, предположений. Наличие в показаниях существенных противоречий расценивалось как признак лживости. Если показания взаимно опровергали друг друга, они отбрасывались.

Самым ценным доказательством виновности обвиняемого по-прежнему считалось признание им своей вины. Эффективным средством получения признания продолжали оставаться пытки.

Развитие розыскного процесса в России имело мало отличий от его становления в странах Западной Европы. Судебник 1550 г. [9] и Соборное Уложение 1649 г. [10] также уделяют большое внимание свидетельским показаниям. Придается значение производству «повальных обысков», то есть массовому допросу свидетелей из числа окружения обвиняемого. Для получения показаний от обвиняемого применяются «расспросы», очные ставки, пытки.

Признание обвиняемым своей вины также признается основным доказательством его виновности. Указание об этом содержится в «Воинском уставе» Петра I (1716 г.). Приложение к Уставу — «Краткое изображение процессов» содержит описание «расспроса с пристрастием», то есть допроса с применением пыток. Устав ввел в явном виде [формальную силу доказательств](#), определяя набор необходимых для доказательства свидетельств и доказательную силу каждого из них. Особой жестокостью отличается раздел о пытках («буде же все преступники в равном явятся подозрении, и между оными отец с сыном или муж с женою найдется, тогда сына или жену наперед к пытке привестъ»). Тем не менее Устав пытался ограничить их и учитывал, что под пытками невинный человек может оклеветать себя или других. От пыток освобождены были дворяне, чиновники, старики, дети, беременные женщины

(за исключением государственных дел и убийств) [11].

По мере развития розыскного процесса наряду со все более широким применением пыток складываются и определенные зачатки исследования доказательств. Обращаясь к столь отдаленным временам, мы находим прообразы выполнения действий, которые лишь в современности оформились как следственные и стали важными источниками получения доказательств.

Официально пытка как средство получения признания обвиняемого была отменена в России в 1801 г. [12], однако как метод полицейского допроса она и в дальнейшем использовалась достаточно широко. В практике розыскного процесса, даже отказавшись формально от пыток физических, широко использовали не менее изощренные моральные пытки. Позитивный процесс становления науки психологии нашел свое проявление в судопроизводстве в негативной форме. Известный дореволюционный юрист-защитник Л. Е. Владимиров, выступавший в громких процессах прошлого века, писал в тот период: «Устраивали потрясающие обстановки, вводили подозреваемого или обвиняемого в слабо освещенную комнату, где лежал труп убитого, и у трупа торжественно увещали обвиняемого сказать правду, рассчитывая на то, что потрясенный виновник выдаст себя...» [13, с. 261].

Уже в то время значительное внимание уделялось признакам поведения допрашиваемого (жестам, мимике, интонациям голоса и т. д.). Практиковалось даже составление специального протокола о «держимости и жестах подсудимого».

«Устав уголовного судопроизводства», принятый в результате судебной реформы 1864 г., отменил в России теорию формальных доказательств и знаменовал собой переход к буржуазной форме суда. По сравнению с прежним тайным розыскным процессом, считавшим основным доказательством признание обвиняемого, нередко полученное экстраординарными методами, она явилась прогрессивным явлением, хотя и отражала интересы господствующего класса [14].

Проблемам установления правдивости в показаниях допрашиваемых лиц уделяли внимание в разных странах многие ученые различных отраслей знаний. В частности, проблемой определения достоверности и вероятности в показаниях занимались, помимо юристов и психологов, представители философии, точных и естественных наук. Известны последователи так называемого математического метода оценки степени вероятности в уголовном судопроизводстве. К ним относятся такие видные ученые XVII — XVIII вв., как Т. Гоббс, Бернулли, Паскаль, Лейбниц и др.

Французский математик и астроном Лаплас в своем труде «Опыт философии теории вероятностей» в начале XIX в. писал, что «элементы вероятности того, что данное показание отвечает действительности, слагаются: 1) из вероятности самого события, о котором повествует свидетель, и 2) из четырех гипотез в отношении высказывающегося: свидетель не ошибается и не лжет; свидетель не лжет, но ошибается; свидетель не ошибается, но лжет; свидетель и лжет и ошибается» [15]. Однако взгляды ученого, являясь проявлением механического материализма, не могли решить проблемы установления достоверности показаний и были подвергнуты справедливой критике еще современниками.

В России в XIX в. попытку использовать теорию вероятностей для разграничения правды и лжи в показаниях предпринял проф. В. Я. Буяновский, обосновывая положение, согласно которому «вероятность справедливости согласного свидетельства возрастает с числом свидетелей». По его мнению, если 4 свидетеля при общей правдивости их показаний, равной $2/3$, утверждают, что событие было, но без учета того, что оно действительно было, вероятность справедливости свидетельских показаний будет составлять $16/17$, то есть 16 против 1, что событие было. Но автор сам же критически отнесся к своим выводам. Он писал: «...вопрос о правдоподобии свидетельств вообще останется навсегда нерешенным... При бесконечных оттенках сердца человеческого, страстей, тайных побуждений, можно разгадать его вполне и потом

оценить с точностью меру доверия к свидетельству?» [16].

Стремительное развитие естественных и технических наук на рубеже XIX—XX вв., достижения которых стали применяться в процессе раскрытия и расследования преступлений, предопределило в юридической литературе довольно скептические высказывания в отношении свидетельских показаний и пренебрежение их значимостью в ходе выяснения обстоятельств по делу. Этому способствовали многочисленные опыты «психоаналитиков», демонстрировавшие не всегда высокую надежность свидетельских показаний. В этот период в ущерб доказательственной ценности свидетельских показаний происходило «возвеличивание» вещественных доказательств, так называемых «немых свидетелей», которые якобы со временем смогут окончательно вытеснить из уголовного судопроизводства источники доказательств, «наделенные даром речи».

Свою точку зрения в отношении этого в свое время высказывал А. Гельвиг: «Следы на месте преступления имеют гораздо большее значение в деле уличения преступника, чем сообщения свидетелей, так как они дают меньше оснований к заблуждениям» [17, с. 23]. «Абсолютную ненадежность» свидетельских показаний в первой половине прошлого века отстаивали в своих работах и такие видные зарубежные криминалисты и психологи, как В. Корфе, Г. Берт, Э. Зеелиг, М. Хаутс, Э. Кренинг, Ф. Луваж и др., отдавая предпочтение вещественным доказательствам [18].

В ходе экспериментов и исследований, проводимых с участием отдельных субъектов уголовного судопроизводства, как правило, свидетелей, был сделан вывод о том, что в их показаниях могут быть произвольные ошибки, которые связаны с искажениями при восприятии или передаче информации о наблюдаемых событиях. В результате показания участников процесса были отнесены к категории «ненадежных», так как «слово человеческое и действительность лишь в редких случаях совпадают между собой» [19, с. 259].

В данном случае шла градация ценностного значения источников информации не в пользу показаний очевидцев преступления. «Научно» это объяснялось отрицательными качествами человеческой природы, тем, что по психобиологической сущности человек якобы не способен давать объективную информацию, а по своей нравственной сущности способен на ложь. В уголовно-процессуальной науке и криминалистике теория свидетельских показаний как далеко не совершенного и потому не заслуживающего доверия способа установления истины подвергнута обоснованной критике [20, с. 165].

Такие участники уголовного процесса, как свидетель и потерпевший, создаются самими обстоятельствами дела, среди источников доказательств их показания занимают достойное место, поскольку базируются на личном восприятии. В силу этого данная категория лиц при отправлении уголовного судопроизводства незаменима. Выделяя важную роль свидетельских показаний, А. В. Скопинский отметил: «Свидетели — альфа и омега уголовного процесса» [21, с. 165].

Повсеместно показания свидетелей и потерпевших играют важную роль в раскрытии и расследовании преступлений, в изобличении лиц, виновных в совершении уголовно наказуемых деяний. Борьба с ложью в их показаниях, разоблачение подобной линии поведения требует от должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, значительного опыта и внимания; выявление лжи в показаниях фигуранта и изобличение его в этом отчасти решает задачу по выяснению обстоятельств совершения преступления. Следовательно, усвоивший разработки судебной психологии, владеющий тактическими приемами допроса, всегда в состоянии получить от допрашиваемого достоверные показания, правильно оценить ошибки и неточности восприятия и изобличить лицо, дающее ложные показания.

Список библиографических ссылок

1. Законы XII Таблиц [Электронный ресурс]. URL: http://allstude.ru /Istoriya/ Zakony_XII_tablic.html (дата обращения: 10.02.2012).
2. Присяга граждан Херсонеса [Электронный ресурс] / перевод с древнегреческого [В. В. Латышева](#); комментарий [Э. И. Соломоник](#). URL: http://www.chersonesos.org/?p=museum_coll_ep3 (дата обращения: 10.02.2012).
3. Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavya.ru/trad/vedic/manu/manu.htm> (дата обращения: 14.02.2012).
4. Ярошевский М. Г. История психологии: от античности до середины XX в.: учеб.пособие. М., 1996.
5. [Французская форма уголовного процесса](#) [Электронный ресурс]. URL: <http://best-sledovatel.ru/tipologiya-ugolovnoego-sudoproizvodstva/5362-francuzskaya-forma-ugolovnogo-processa.html> (дата обращения: 11.02.2012).
6. «Русская правда» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
7. Чельцов-Бебутов М. А. Положение личности в уголовном процессе: происхождение и развитие розыскного процесса по Франции. М., 1948.
8. Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/INKWIZICIQ/hexenham.txt> (дата обращения: 14.02.2012).
9. Судебник 1550 г. (Судебник Ивана IV) [Электронный ресурс] URL: <http://history.tom.ru/docs/137-sudebnik-1550-g.-sudebnik-ivana-iv.html> (дата обращения: 15.02.2012).
10. Соборное Уложение 1649 г [Электронный ресурс]. URL: http://stepanov01.narod.ru/history/lect06_8.htm (дата обращения: 15.02.2012).
11. Военный устав 1716 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-01.htm> (дата обращения: 14.02.2012).
12. [Покровская А. Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве. 2004 г.](#) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library /doc101p/instrum3941/item3942.html> (дата обращения: 14.02.2012).
13. Владимиров В. Л. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
14. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ugprav.php (дата обращения: 14.02.2012).
15. Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Киев, 1929. С. 22—23.
16. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 205—207.
17. Гельвиг А. Современная криминалистика. Методы расследования преступлений. М., 1925.
18. Corphe F. La skritigue du temoignage. Paris, 1927; Burt H. Applid Psychology. New Jork. 1948; Seelig E. Schuld, Luge, Sexualitet. Stuttgart, 1955; Houts M. Fran Evidenke to Proof. Spingfoeld, 1956; Kronig E. Die Kunst der Beweiserhebung. Hamburg, 1959; Louwage F. Psychologie und Kriminalitat. Hamburg, 1960.
19. Холчев И. Восприятие и действительность // Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. М., 1902. Вып. 1. С. 248—263.
20. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. Воронеж, 1995.
21. Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М., 1911.